

НЕИЗДАННЫЕ РИСУНКИ А. М. ВОЛКОВА К СТИХОТВОРЕНИЮ «СУД»

Публикация В. Любимовой-Дороватовской

В 1868 г., в первой книжке «Отечественных Записок», только что перешедших в руки Некрасова, было напечатано его стихотворение «Суд. Современная повесть». Уже после отпечатания книжки оно было вырезано по распоряжению цензуры. Но через год, в 1869 г., Некрасов напечатал «Суд» с небольшими вариантами в IV части своих «Стихотворений», изданных С. В. Звонаревым.

Стихотворение было написано в конце 1867 г. на злободневную тему. Подзаголовок «Современная повесть» был не случаен.

Ближайшим конкретным поводом для написания стихотворения явился суд над Ю. Г. Жуковским как автором нашумевшей статьи «Вопросы молодого поколения», напечатанной в «Современнике» (1866, III) и А. Н. Пыпиным как одним из редакторов журнала, пропустившим «крамольную» статью. Дело, как известно, разбиралось 25 августа 1866 г. в С.-Петербургском окружном суде и закончилось оправданием обоих обвиняемых. Но по апелляции прокурора С.-Петербургская судебная палата 4 октября вновь разбирала дело и, признав Жуковского и Пыпина виновными в «оскорблении общественного приличия и благопристойности», подвергла их штрафу по 100 руб. и аресту на гауптвахте по 3 недели.

Однако политический фон некрасовского стихотворения был шире этого частного повода, и замысел произведения обобщеннее и глубже, отнюдь не сводясь к злободневному отклику на нашумевший процесс.

Некрасовский «Суд» — это сатира на разгул правительственной реакции после каракозовского выстрела и одновременно на трусливо-испуганное поведение либеральной интеллигенции в условиях этой реакции.

О размерах общественной паники, вызванной «походом против крамолы» пресловутого Муравьева-вешателя, назначенного председателем следственной комиссии по делу Каракозова, дает представление сатирическая зарисовка этого исторического момента, данная Щедриным в очерке «Они же» из «Господ Ташкентцев».

Вспоминная послекаракозовские дни в столице, Щедрин писал через несколько лет: «Петербург погибал... Надо было видеть, какие люди встали тогда из могилы. Надо было слышать, что тогда припоминалось, отомчалось и вымещалось. Если вы имели с вашим соседом процесс, если вы дали займы денег и имели неосторожность напомнить об этом, если вы имели несчастье доказать дураку, что он дурак, подлецу — что он подлец, взяточнику — что он взяточник... это просто-на-просто означало, что вы сами вырзали себе под ногами бездну. Вы припоминали об этих ваших преступлениях и с ужасом ожидали... Провинция колыхалась и извергала из себя целые легионы чудовищ ябеды и клеветы... Отовсюду устремлялись стада «благонамеренных», чтобы выместить накопившую в сердцах обиду. Они рыскали по стогнам, становились на распустьях и вопили. Обвинялся всякий — от коллежского регистратора до тайного советника включительно... Исчезнуть, провалиться сквозь землю, быть забытым — вот лучший удел, которого мог ожидать человек».

С особой суровостью обрушились муравьевские репрессии на революционно-демократическую и даже умеренно-либеральную печать и на ее деятелей. Многие литераторы были арестованы. Среди них Вас. и Ник. Курочкины, Елисеев, Минаев, Слепцов, В. Зайцев, Лавров и др.

Об этих «страшных днях» и об этом всеобщем испуге так вспоминал потом Елисеев: «Я был арестован и отвезен в крепость 28 или 29 апреля. Но самым злополучным временем было не то, когда меня посадили в крепость, ... а время проведенное ... в тревожном ежедневном, ежечасном ожидании обыска и ареста, которое не давало покоя ни днем ни ночью. Тот, кто не жил тогда в Петербурге и не принадлежал к литературным кругам или, по крайней мере, не был к ним так или иначе прикосновенен, не может представить той паники, которая здесь происходила. Всякий литератор, не принадлежащий к направлению Каткова, ... считал себя обреченной жертвою и был уверен, что его *eo ipso*, непременно, потому только, что он литератор, арестуют ... Всеми этими слухами, беспрестанно возрастающим тревожным состоянием, бессонными ночами я был до того нервирован, так близок был к полной прострации, что подумывал сам идти просить, чтобы меня заключили в крепость» («Голос Минувшего», 1915, I, 14—15).

Вот эти настроения паники и всеобщего испуга, которым поддались даже такие люди, как Елисеев, и являются предметом сатирического осмеяния в некрасовском «Суде». Желчный сарказм поэта, направленный против виновников такой общественной деморализации, сливается здесь с мягкой иронией и юмором, в тонах которых обрисованы невольные жертвы этой деморализации, персонафицированные в образе «я» рассказчика, от имени которого ведется повествование.

Стихотворение «Суд» должно было появиться на страницах «Отечественных Записок» в тот момент, когда, в связи с переходом журнала в руки Некрасова, вокруг его имени поднялась новая (после «муравьевской оды») волна ожесточенных споров, когда столько недоумений и вопросов вызывала у неосведомленных людей самая возможность деловой коалиции демократического поэта с собственником издания — Краевским, когда снова бралась под сомнение искренность Некрасова и его верность заветам «Современника».

В таких условиях некрасовский «Суд» и нашел тогда отклик в совершенно неожиданной форме.

Один из известных художников того времени, ближайший сотрудник «Искры» — Адриан Маркович Волков (1829—1873) задумал в изобразительной форме интерпретировать стихотворение Некрасова. Работа его была озаглавлена: «Суд. Современная повесть Некрасова, изображенная в карикатуре А. М. Волковым, 1868 год».

«Отечественные Записки» со стихотворением Некрасова вышли 23 января 1868 г. и Волков, конечно, видел их до изъятия стихотворения цензурой. Под рисунками его поставлена дата 14 февраля. Следовательно, всего лишь около 3 недель потребовалось художнику для того, чтобы продумать и осуществить свой довольно сложный замысел.

Волков был типичный художник-шестидесятник. Находясь в Петербургской академии художеств, он пытался сначала писать в «классическом роде», но подлинное свое призвание нашел лишь тогда, когда обратился к бытовым сценам и изображению повседневных типов и нравов («Демьянова уха» — 1857 г., «Обжорный ряд в Петербурге» — 1858 г., «Прерванное обручение» — 1860 г.). Особенность творчества Волкова — сложные сюжетные построения, целые повести, осуществленные на полотне, динамичность и всегда заметное присутствие некоторой обличительной тенденции с неизменной долей юмора.

С 1858 г. он начал сотрудничать в карикатурном альбоме И. А. Степанова «Знакомые». Приход его в «Искру» был вполне закономерен. Волков был типичный «искровец». Сотрудничество Волкова в «Искре» продолжалось с начала ее основания, т. е. с 1859 г. и до 1869 г., когда «Искра» была приостановлена на 18-м номере. Художник поместил на ее страницах сотни рисунков на бытовые и литературные темы.

В 1870 г., когда «Искра» была вынуждена превратиться в издание без иллюстраций, Волков задумал издавать свой журнал «Маляр». Издание это начало выходить с апреля 1871 г. сначала в качестве иллюстративного приложения к «Искре». Но сохранить идейную принципиальность и высоту «искровской» сатиры, ее боевой демократический дух Волкову не удалось. После же смерти Волкова в 1873 г. «Маляр», в руках его преемников, опустился до уровня бесприщипных комических листков.

«Суд» Некрасова в карикатурах Волкова — одно из интереснейших его произведений как с художественной, так и с литературной стороны. Предназначалось оно, несомненно, для «Искры».

Рисунки Волкова — менее всего иллюстрации. Это истолкование произведения — особый род карикатурного жанра, который был создан «Искрой» и характернейшим представителем которого являлся Волков. Под рисунками давались обширные тексты в которых художник выступал одновременно и как писатель-сатирик.

Волков сам называл свои произведения «художественным разбором» («Искра», 1868, № 16: «Война и мир»).

Такому «художественному разбору» Волкова подверглись, например, на страницах «Искры» романы Тургенева — «Дым» (1868, №№ 8, 26—31, 40—45) и «Отцы и дети»

ОБЖОРНЫЙ РЯД

Картина маслом А. М. Волкова, 1858 г.

Третьяковская галерея, Москва

(1868, №№ 13—20). Очень характерно заглавие А. М. Волкова: «Дым, карикатурный роман А. Волкова и К^о, живьем взятый из художественно-сатирического романа И. С. Тургенева» (ср. его заглавие рисунков к «Суду» Некрасова). Это — сатирическое разоблачение ретроградного, по мнению художника, замысла Тургенева (1871, № 38). Позднее, в «Маляре», такому «разбору» подверглись «Вешние воды» Тургенева.

Карикатурные рисунки к «Войне и миру» Толстого в «Искре» (1868, № 16) сделаны на тему о том, как создавался роман. Подзаголовок к рисункам гласит: «Литературные источники и художественные оригиналы, послужившие автору материалами при создании эпопеи». Несколько раньше («Искра», 1867, № 14) Волков нарисовал карикатуру на тему о том, как работал Достоевский над романом «Преступление и наказание» (газетный материал в романе), а в 1868 г. предполагал поместить в «Искре» целую сюиту рисунков под заглавием «Преступление и наказание» — карикатурный роман, подражание г. Достоевскому, которая, однако, так и не появилась в печати.

Таким же «художественным разбором» были и карикатуры Волкова к стихотворению Некрасова «Суд».

Внешнее оформление тетради (обложка, титульный лист) заставляет предполагать, что она готовилась к изданию отдельной книжкой. Подобные издания были приняты в «Искре». Так, например, отдельными книжками вышли в 1869 г. карикатуры Волкова к «Дыму» и «Отцам и детям» Тургеневу, к «Войне и миру» Толстого. Подписчикам «Искры» они рассылались в виде бесплатного приложения.

Техника Волкова — карандашный рисунок, расцвеченный акварелью. Преобладает серый и синий колорит. Сила художника — в точности передачи движений, в экспрессии. Некоторая условность изображения вызвана карикатурным жанром. Под рисунками — обширные пояснительные тексты, в которых открывается замысел художника, чаще всего как реплика в скобках (характерные для стиля «Искры»).

С большой остротой сделано Волковым сатирическое изображение типов того времени. Таковы: жандарм — «одно из славных русских лиц, со взором крепким без границ» (повидимому, для того, чтобы обмануть цензуру, он изображен в французской каскетке, а не в форме русского жандарма); «либеральный» собеседник героя на гауптвахте, вельможа и, наконец, «благонамеренный» сочинитель, нарисованный с щедринским сарказмом.

Под некоторыми рисунками сделаны шуточные примечания-ссылки на «заимствования» у знаменитых художников (Рафаэля, Брюллова, Ораса Верне, Шама и др.).

Тетрадь Волкова делится на две части. В работе над первой частью своей сюиты Волков остается, в основном, в пределах замысла Некрасова. Графическими методами он воссоздает сатирический образ испуганного обывателя-литератора в условиях правительственной реакции и полицейских репрессий. Эта часть непосредственно связана с некрасовским текстом.

Вторая часть сюиты — своего рода графический комментарий художника к заключительной строке стихотворения, сатирико-ироническому совету Некрасова, адресованному «сочинителю»: «Пиши, но будь благонамерен».

В эпилоге сюиты (образующей ее вторую часть) под фигурой «сочинителя» сделана такая надпись:

«Вновь пишет он, призванью верен.

Пиши, но будь благонамерен,—

предостерегает автор повести своего героя. А мы тебе, о публика! с своей стороны, представляем наглядным образом его, т. е. героя, дальнейшую благонамеренную деятельность».

Следует раздел: «Благонамеренная деятельность героя». В этом комментарии показан сатирическими средствами неизбежный путь «героя», ставшего на стезю «благонамеренности». Это путь низкопоклонства и приспособленчества. «Герой» учится перед зеркалом держать ухо остро, бреется, как чиновник, учится кланяться, едет поздравлять с праздником, расписывается в передней, «поет» перед вельможей, наконец, сам делается тузом. Это тема политической сатиры на либералов и их эволюцию приспособления в условиях реакции и жандармско-полицейского натиска, которую разработали Щедрин, «Искра» и сам Некрасов.

Возникает вопрос о причинах, по которым тетрадь Волкова, несомненно подготовленная для издания, так и не появилась в печати. Таких причин, думается, было две. Первая из них, относящаяся к 1868 г., заключалась в невозможности напечатать рисунки к стихотворению, которое было подвергнуто цензурной репрессии — изъятию из журнала. Однако в следующем году, когда «Суд» был напечатан, действие этой причины уже не могло сказываться.

Вторая, и основная, причина заключалась в следующем.

Рисунки Волкова, заостря графическими средствами стрелы некрасовской сатиры, направленные против испуганного литератора-обывателя, вместе с тем пытались обратить эти стрелы в какой-то мере, на... самого поэта. Разоблачительная, враждебная Некрасову тенденция заключается уже в некоторых, сильно шаржированных, разумеется, «портретных» намеках на него, содержащихся в самой внешности изображения «героя» произведения (см., напр., также такую деталь, как собака, лежащая под стулом сочинителя). Сатирические разоблачения Волкова построены, в основном, на

сопоставлении несоответствия идей «героя» и его житейской практики. А это был обычный метод всей враждебной Некрасову критики, направленной на его дискредитацию.

Такой скрытый подтекст рисунков Волкова находит себе объяснение в той враждебной позиции, которую занимала «Искра», вместе с большинством демократического лагеря, по отношению к Некрасову после «муравьевской оды» («Песня Еремушке» Минаева и др.) и которую она отчасти сохраняла и в момент перехода в его руки «Отечественных

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ТЕТРАДИ КАРИКАТУР А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУД», 1868 г.

Центральный литературный архив, Москва

Записок». К этому последнему моменту относится, в частности, выступление «Искры» с одним рисунком именно Волкова, мимо которого здесь нельзя пройти.

В № 1 «Искры», под заглавием «Новый год в журналистике», была помещена карикатура Волкова, посвященная «Отечественным Запискам» в 1868 г. Рисунок был сложен и загадочен, как ребус.

На первом плане стоит книга «Отечественных Записок». На ней даты 1839 г. (переход права издания к Краевскому) и 1868 г. С одной стороны переплета изображены Краевский, стоящий в спокойной позе, заложив руки в карманы, с другой стороны как бы «выходит» из переплета Некрасов с пучком перьев на плечах. Над ними поднимается скелет с недоумевающе разведенными руками. Вместо черепа у скелета голова,

с лицом в профиль. Как выяснилось из спора, возникшего вокруг карикатуры, — это было изображение Белинского. За книгой «Отечественных Записок» расположены представители других журналов. Навстречу Некрасову идет Катков («Московский громовеержец») в боевых доспехах. В левой руке у него щит («Московские ведомости»), а в правой он держит, как копьё, надломленное перо.

Под рисунком подпись:

Московский громовеержец.—Я вижу: идут „Отечественные Записки“, идут!.. Но... произошло нечто необычайное, нечто в роде моих и Овидиевых превращений. В самом деле я тут не разберу:

Где начинается один
И где кончается другой!

Санктпетербургский центавр. — Моёй Никифорыч! Вы загляните в самую суть книжки, во внутрь. Разве не видите, что встает дух, прежний дух „Отечественных Записок“. Не рано ли, перышко-то свое надломил?»

Замысел художника открывался, повидимому, в реплике редактора «Вести» В. Д. Скарятина («Санктпетербургский центавр»): «... встает дух, прежний дух „Отечественных Записок“, то есть «дух» Белинского».

Но дело осложнилось тем, что Антонович и Жуковский в своем памфлете против Некрасова «Материалы для характеристики современной русской литературы» истолковали этот рисунок, в полемических целях, как «тонкую, чисто чичиковскую лесть Краевскому» и как «рекламу» Некрасову. «Искра» сочла необходимым отвести от себя упрек в «лести» и «рекламе» в резкой ответной статье — «Господа, потише!» («Искра», 1869, № 11). Несмотря на явное желание защитить Некрасова от «пелитературного озлобления» Антоновича и Жуковского, «Искра» все же доказывала свою независимость по отношению к Некрасову, ссылаясь на стихотворения Д. Д. Минаева, помещенные на ее страницах, и заметку в «Календаре» «Искры» (1868, № 1), в которой отразилась выжидательная позиция в отношении к переходу «Отечественных Записок» в руки Некрасова (в этой заметке было сказано: „Отечественные Записки“ в 1868 г. или читать не следует, или же следует читать постоянно. Будущность сего Нестора русских современных журналов покрыта еще мраком неизвестности»).

В своем несколько сбивчивом толковании карикатуры Волкова «Искра» отметила только следующие моменты: две фигуры «тянут» в разные стороны — Краевский уходит во мрак «Домашней Беседы» и «Сына Отечества», Некрасов «идет навстречу московским громовеержцам». Белинский недоумевающе разводит руками.

Для большей убедительности «Искра» сочла даже нужным вторично воспроизвести при своем ответе рисунок Волкова.

Эта полемика вокруг карикатуры Волкова (см. воспроизведение рисунка в «Литературном Наследстве», т. 49—50, стр. 443) является одним из конкретных проявлений сложной литературно-политической борьбы, сопровождавшей переход «Отечественных Записок» в руки Некрасова, и служит, вместе с тем, дополнительным комментарием к уснению «подтекста» публикуемых рисунков.

Сам Волков несколько задержался на этих позициях ложного понимания Некрасова, свидетельством чему служит его «разоблачительная карикатура» на поэта в «Малыре», 1871, № 6 («Кому на Руси жить хорошо»).

Однако «Искра» и искровцы очень скоро убедились, что перешедшие в руки Некрасова «Отечественные Записки» верны традициям «Современника». Недоверие к Некрасову рассеялось, и «Искра», признав ошибочность своих атак на поэта, стала ближайшим союзником «Отечественных Записок», как прежде «Современника». В журнале Некрасова с первого же года стали сотрудничать не только Н. Курочкин, но и Д. Минаев. В этих условиях печатать рисунки Волкова на страницах «Искры» было по меньшей мере бестактно, и сам Волков или, что вероятнее, редакция «Искры» отказалась от их помещения.

КАРИКАТУРЫ А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУДЪ», 1868 Г.

Рисунки 1 и 2

Центральный литературный архив, Москва

ОПИСАНИЕ ТЕТРАДИ А. М. ВОЛКОВА И ПУБЛИКАЦИЯ СОДЕРЖАЩИХСЯ В НЕЙ ТЕКСТОВ

Центральный государственный литературный архив.—Фонд № 338 (Н. А. Некрасова), ед. хр. 97. Всего в тетради 35 лл. Рисунки А. М. Волкова на 26 лл. Остальные листы незаполненные. Техника: карандаш и акварель. Размер: 20×17.

Тетрадь описывается полистно и в последовательном порядке занумерованных самим Волковым (в круглых скобках) рисунков. Вначале, в ломаных скобках, дается краткое описание рисунка (что изображено), затем вне этих скобок полностью приводится текст, относящийся к описанному рисунку или группе их.

Тетрадь в синей обложке. На обложке нарисовано карандашом круглое, слегка улыбающееся лицо.

<Л.1

<Титульный лист:>

Суд.

Современная повесть

Некрасова.

Изображенная в кар[р]икатуре

А. М. Волковым.

1868

год.

» 2

(1)

<Сочинитель сидит в кресле перед камином в халате и домашних туфлях, на голове лавровый венок. Он поет и играет на лире>

Писатель, поздно вечером сидит в кабинете перед камином, играет на лире и поет известный романс Козлова:

«Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!»

Вдруг пение (какая досада) прерывает звонок в передней...

» 3

(2)

<Сочинитель одевается. Лира на полу>

Звонок — «на миг не умолкал —
Пока я брюки надевал...»

» 4

(3)

<Сочинитель бросает в камин бумаги>

«Все быстро бросил я в камин!»

» 5

(4)

<Лицо жандармского офицера>

Иду — и отворяю дверь...
«Одно из славных русских лиц
Со взором кротким без границ...»

» 6

(5)

<Сочинитель в танцующей позе с листом бумаги в руках, рядом в такой же позе жена>

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня!
Я крикнул весело жене».

» »

(6)*

[<Стол, на котором лежит пачка папирос «Лаферм». Перед столом стул. Рука указывает на стул>

«...указав ему на стул,
Я папиросу предложил.»]

* <Рисунок и текст к нему перечеркнуты художником.>

- «Л.» 7 <Сочинитель чокается с жандармом> (7)
«Тогда беседа началась...»
- » 8 <Сочинитель и жандарм в темноте расходятся в разные стороны> (8)
«Но тут ога рок догорел
Дымясь — и вдруг расстались мы
Среди зловония и тьмы»
(в квартире с тропическими растениями).
- » 9 <Общая подпись к рисункам 9—18> (9)
Думы, соображения, убеждения, ощущения, сны, воспоминания и галлюцинации.
- » » <Сочинитель за столом читает. Под стулом лежит собака> (9)
Когда же они расстались и когда прошли первые порывы радости, герой задумался: ибо каждый человек обязан беречь свою шкуру, хотя бы он и был увенчан лаврами—
«... гласный суд
Все суд...»
И сочинитель «с точки зрения судьи
Всю ночь читал свои статьи...».
- » 10 <Сочинитель сидит, разводя в недоумении руками> (10)
«Я говорил себе: я прав!..»
- » » <Перед зеркалом фигура в традиционном театральном костюме злодея с книжкой и при шпаге> (11)
«То сам себя воображал
Таким злодеем...»
«И в зеркало гляделся я...»
- » 11 <По снежной дороге, на которой написано «Владимирка», идет в каздалах человек, рядом в снег «ныряет» женщина> (12)
Сочинитель видит сон, что герой его идет по Владимирке; а дева, дитя его фантазии, ныряет в снегу:
«Ныряя по груди в снегу».
- » 12 <Сочинитель закрывает трубу> (13)
Сочинитель закрывает трубу—
Ибо он очень беспокоился и даже просил деву, —ребенка своей фантазии, молить судьбу:
«Чтобы не вылететь в трубу!»
Но закрыв ее и сообразив все свои дела и сосчитав наличные,—видимо успокоился...
- » 13 <Среди поля одинокий пенёк> (14)
Потом он видел другой ужасный горький сон, что будто он в суде... Проснувшись, сочинитель долго думал о своем жестоком сне и начал припоминать как он развивался, как жил, что мог — он!

«Тогда Богда началась»

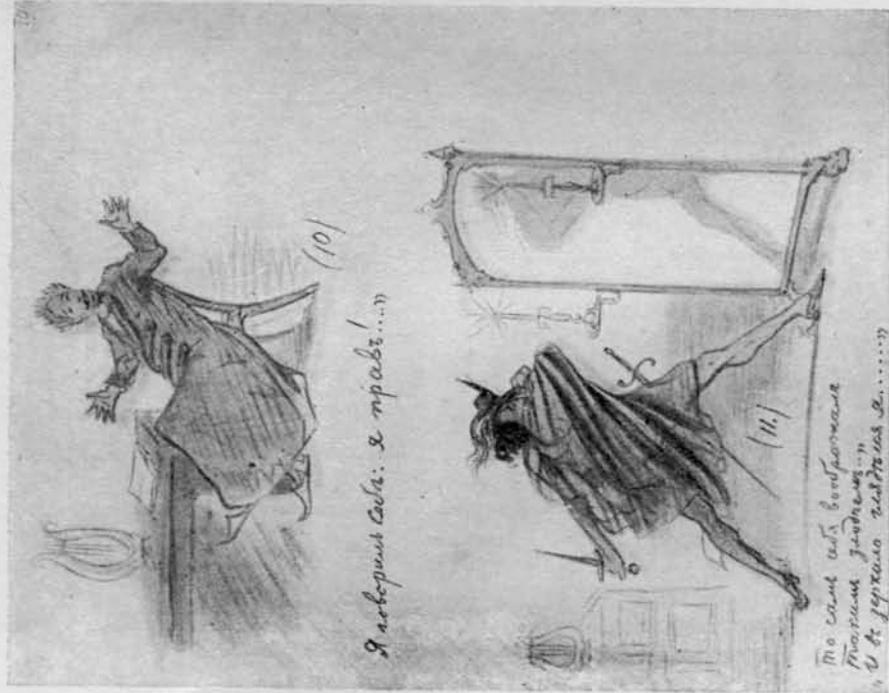
Душью, отобразилась, гонимый, слезы, во-
мечтательная и гонимый.

Когда же они разлетались и была прощай-прощай
любовь, радость, порой, разлука: зло каковы
глаголют, забудут, своей, шур, кто, да, от
и был, утомлен, сабрани-

«Вас судят...»
и...
Вас, по, тем, как, вы, от...

КАРИКАТУРЫ А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУДЪ», 1868 Г.

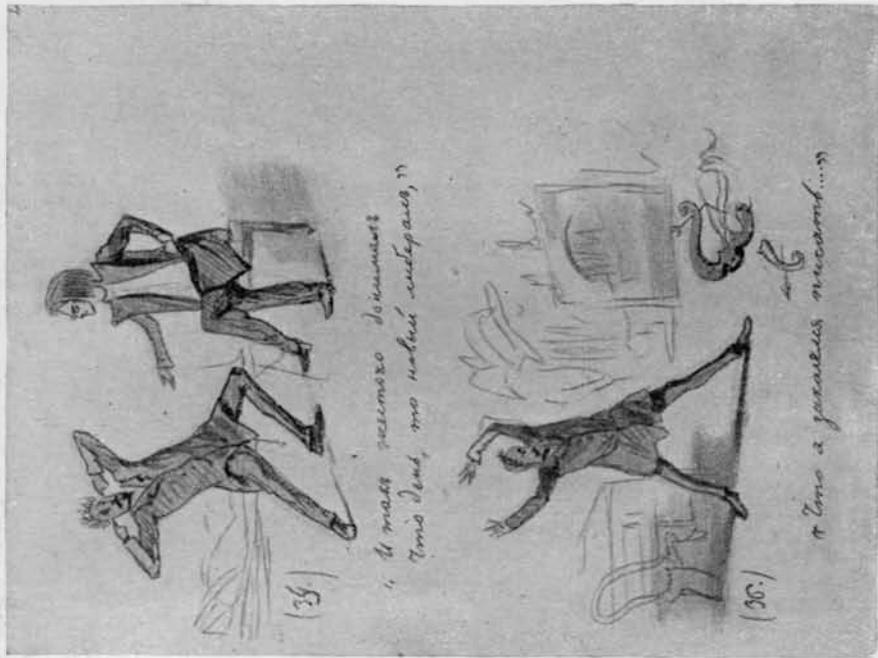
Рисунки 7 и 9
Центральный литературный архив, Москва

КАРИКАТУРЫ А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУД», 1868 Г.

Рисунки 10, 11 и 13

Центральный литературный архив, Москва

КАРИКАТУРЫ А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУД», 1868 г.

Рисунки 28, 29, 30, 31, 35 и 36

Центральный литературный архив, Москва

«...Совесть века,
Лучший сын земли родной,
Цвет роскошный человека,
Человек передовой».*

Мог дойти до такого позорного сна... что его все оставили и что он —
«...один

Как голый пенёк среди долин»**

<Л.>14

<Тюрьма>

(15)

«Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму».

» »

(16)

<Скамья. Перед ней розги и букварь>

Потом он воспитывался:

«И там под тем же страхом жил...»

» 15

<Сочинитель идет около будки>

(17)

«Что мимо будки городской
Иду с стесненной душой».

» 16

(18)

<Сочинитель кланяется, сняв лавровый венок>

Сочинитель идет в суд, и с трепетом вступает

«В тот роковой священный зал...»

И, обращаясь на все четыре стороны, говорит:

«Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,
О публика! Во всей красе...
Итак, любуйся:

...Я плешив».***

<Общая подпись к рисункам 19—21>

» 17 {Поэт притворяется (он может быть и в самом деле <3 сл. нрзб.>) го-
воря:}****

(19)

<Сочинитель стоит, прижимая руки к груди>

«Я чуть жив»

(Как часто бывает обманчива наружность)

(20)

<Сочинитель держит фалду своего фрака>

«Я не в шелку»

И мы свидетельствуем, что шелку только и есть, что на подкладке, а
остальное все настоящее английское сукно [ей-богу!]

* Стихи Н. Щербины <примеч. А. М. Волкова>.

** Рисунок заимствован из воскресных карикатур «Сына Отечества» <примеч. А. М. Волкова>.

*** Рисунок Рафаэля-Санцио-д'Урбино <примеч. А. М. Волкова>.

**** <Карандашная надпись эта стерта самим А. М. Волковым и полностью не читается>.

<Л.>17

(21)

<Сочинитель стоит с зонтиком под дождем>

«Под бурей долго я стоял»

Вероятно, герой дожидался кареты — воображаю, достанется же и кучеру...)

» 18

(22)

<Сочинитель, согнувшись, несет на спине полную женщину>

«Гнела любовь»

» »

■ (24)*

<Сочинитель стоит на подломленной скамье. Он балансирует пером>

«Я слаб и хрупок, как скелет» —

говорит герой, но из этого только видно, что он очень мнителен относительно своего здоровья, хотя оно у него, как изволите видеть, слава богу, но пьедестал, на котором он балансирует, действительно не очень надежен и не трудно свалиться окончательно...

» 19

<Общая подпись к рисункам 25—27>

Вот

«Во что обходится союз

» »

С иною музой»

(25)

<Сочинитель в котле>

«Кипеть»

» »

(26)

<Сочинитель на костре>

«Гореть»

» »

(27)

<Пожарные заливают водой сочинителя>

«И погасать»**

» 20

(28)

<Сочинитель горит на костре>

«И вновь гореть»***

» »

(29)

<Сочинителя обливают водой из ведра>

«И снова стыть»

» »

<Общая подпись к рисункам 30—31>

«Что я, когда начну писать —
Перестаяю и есть и спать...»

»

(30)

<Сочинитель пишет, рядом накрытый обеденный стол>

Он кончил завтрак — и не ест, а пишет до самого обеда

* <Ошибка в нумерации рисунков (пропуск № 23) допущена А. М. Волковым.>

** Рисунок заимствован у Hogue Vernet (примеч. А. М. Волкова).

*** Рисунок заимствован из знаменитой картины «Последний день Помпеи» Брюллова (примеч. А. М. Волкова).

СПИЛОУЪ.

38

и. Вставь палецъ въ дырочку вървѣ!
 «Пили, по будѣ. Благочинный, и
 редакторъ» авторъ пѣвалъ свои перд.
 А. М. въ пѣль, о публики! (Съ своей стороны
 и дѣлая образъ его) «Палецъ въ дырочку въ
 дырочку»..

Оно, и какъ въ рѣшомъ
 и платитъ копейку
 Врѣдъ.

139) Платитъ вѣрзу и коровѣй
 свои вымять.

140) Частая моральъ дурасамъ дуримъ
 что атеосо.

141) Трѣска!

142) Прикарываетъ поны фрѣмъ.

КАРИКАТУРЫ А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУДЪ», 1868 г.

Рисунки 38, 39, 40, 41 и 42

Центральный литературный архив, Москва

(43)

Чужие касания.

(44)

Полная порубанка с профессорами.

(45)

размышления в терзании.

(46)

Слушая передъ выслушаниемъ.

(47)

В начале — самое лучшее творчество.
Пустота, шум.

КАРИКАТУРЫ А. М. ВОЛКОВА НА СЮЖЕТ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «СУДЪ», 1868 г.

Рисунки 43, 44, 45, 46 и 47

Центральный литературный архив, Москва

<Л.>20

(31)

<Сочинитель пишет. Рядом раскрытая постель>

Он проснулся в 12 час<ов> и не спит, а пишет до самого послеобеденного кейфа...

» 21

<Общая подпись к рисункам 32—34>

«Увы и Ах!»

(32)

» »

<Сочинитель сидит в темноте на гауптвахте>

«На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...»*

» »

(33)

<Сочинитель давит клопов на стене>

«...по стенам

Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, поросил снежок»

и сочинитель от скуки охотится по первой «поросе» за... клопами.

» »

(34)

<Сочинитель стоит в одной ночной рубашке со свечой в руке>

... но сон был плох
По милости проклятых блох**

» 22

(35)

<С сочинителем беседует «либерал». Сочинитель зажимает уши>

«И так жестоко донимал
Что́ день, то новый либерал».

» »

(36)

<Сочинитель разбивает лиру>

«Что я закаялся писать...»

» 23

<Общая подпись к рисункам 38—47>***

Эпилог

» »

<Сочинитель пишет>

(38)

«Вновь пишет он, призванью верен!»

«Пиши, но будь благонамерен!»

предостерегает автор повести своего героя.

А мы тебе, о публика! с своей стороны, представляем наглядным образом его, т. е. героя, дальнейшую благонамеренную деятельность...

» 24

<Общая подпись к рисункам 39—47>

Благонамеренная деятельность героя.

* Мотив рисунка взят из известной картины Флавицкого «Княжна Тараканова» (примеч. А. М. Волкова).

** Рисунок заимствован у Cham (примеч. А. М. Волкова).

*** <Вторая ошибка в нумерации (пропуск № 37), допущенная А. М. Волковым.>

